

И. В. Починская
Екатеринбург

**“ДЕЛО ПО ВЕДЕНИЮ СЛЕДСТВИЯ О РАСКОЛЬНИКЕ
СИТНИКОВЕ А. ...” (М. Е. САЛТЫКОВ И СТАРООБРЯДЦЫ)***

Я следователь благонамеренный и добиваюсь только истины, не имея при этом никаких личных видов...

Н. Щедрин

В начале октября 1854 г. в Сарапуле был арестован бежавший в 1850 г. мастеровой Юговского А. Кнауфа завода (Осинский уезд Пермской губернии) Ананий Ситников. Следствие по этому делу было поручено советнику Вятского губернского правления М. Е. Салтыкову¹. 9 декабря 1854 г. в письме брату Дмитрию он писал: “Мне поручили весьма важное дело о раскольниках и придется мне ездить много и далеко; поручение это очень лестно, потому что оно от министра, но и очень тяжело, потому что я должен буду шляться по лесам и рискую даже жизнью. Но Бог милостив; зато, в случае успеха, можно ожидать, что не оставят меня и без награды”².

В начале следствия, как отмечает биограф писателя С. А. Макашин, М. Е. Салтыков просил губернатора освободить его от ведения дела, так как, в отличие от министра внутренних дел Д. Г. Бибикова и вятского губернатора Семенова, не видел в нем ничего “чрезвычайного”³. Но, судя по замечаниям М. Е. Салтыкова в письмах к родственникам, реальной причиной попытки отказа от поручения была необходимость дальних тяжелых разъездов и страх перед старообрядцами, которых писатель считал “фанатиками и изуверами”⁴.

---

* Статья подготовлена при поддержке научной программы Министерства образования РФ “Университеты России”.

¹ С 1848 по 1855 гг. М. Е. Салтыков жил в Вятке, куда был сослан за повести “Противоречия” и “Запутанное дело”, опубликованные в “Отечественных записках”, в которых он обнаружил “...вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясающих уже всю Западную Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие...” (*Кропоткин В. Салтыков-Щедрин*. М., 1948. С. 25).

² *Щедрин Н. (М. Е. Салтыков)*. Полное собрание сочинений. Л.; М., 1937. Т. 18, кн. 1. С. 112–113.

³ *Макашин С. А. Салтыков-Щедрин*. Биография. I. М., 1959. С. 352.

⁴ *Щедрин Н. (М. Е. Салтыков)*. Полное собрание сочинений. Т. 18, кн. 1. С. 113.

Однако надежды на помилование, которого ссыльный М. Е. Салтыков добивался с большим упорством, заставили его не только смириться с поручением начальства, но и проявить немалое старание в ведении дела. Таким образом, довольно банальный для России тех лет арест беглого мастерового вылился в широкий розыск старообрядцев поповского согласия, охвативший Вятскую, Пермскую, Нижегородскую, Казанскую, Московскую, Владимирскую губернии, все материалы которого стекались в Вятку.

Следствие обрело масштабность благодаря усилиям М. Е. Салтыкова, “идеального чиновника”, “просветительский тип которого, – по словам одного из крупнейших исследователей жизни и творчества писателя, – психологически зародился у него еще в годы Вятки...”⁵. И тогда, утверждает исследователь, “пронизывающее этот образ богатое внутренним огнем желание быть практически полезным народу в борьбе с угнетавшим его помещичье-крепостническим строем, в борьбе за просвещение и развитие масс становится господствующей чертой личности Салтыкова”⁶.

Семь томов следственных материалов не на словах, а на деле отражают попытки М. Е. Салтыкова “помочь” народу. Писатель, обвинявший народ в “бездейственном «страдательном» отношении к испытываемому насилию и гнету”⁷, при непосредственном контакте с протестующим народом не понял его, приняв за преступника. Ярко выраженное негативное отношение М. Е. Салтыкова к старообрядчеству отмечали и его современники, и исследователи творчества. Он видел в старообрядцах государственное зло. Они, явно, не входили в ту часть категории “народ”, о благополучии которой он радел, а составляли маргинальную прослойку, укоренявшую в этом народе темноту и невежество.

В то же время менее просвещенный коллега М. Е. Салтыкова, старший помощник правителя Вятской губернской канцелярии титулярный советник В. Минх, в приложении к своему рапорту губернатору, составленному в конце декабря 1854 г. по результатам секретных поездок по губернии, о тех же самых крестьянах-старообрядцах, с которыми столкнулся Салтыков, писал: “...во всех их мыслях обнаруживается желание свободы, а вместе с тем и готовность сопротивляться всякой власти”⁸.

Следственное дело обнаруживает пресечение Салтыковым-чиновником того самого протеста, в отсутствии которого обвиняет народ Салтыков-писатель. И все же мы должны быть благодарны “деловому”, “честному” и

---

⁵ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Биография. М., 1972. С. 61.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ ГАКО. Ф. 585. Оп. 84. Д. 56. Л. 18.

“прогрессивному” чиновнику⁹, стараниями которого до наших дней дошел целый ряд подробностей из жизни приуральского старообрядчества, причем не творчески переосмысленных и интерпретированных художником¹⁰, а фиксированных сухим языком следователя.

Обратимся к материалам следствия.

А. Ситников, с ареста которого началось дело, родился на Юговском заводе в старообрядческой семье поповского согласия, был дважды женат. Второй его брак, заключенный в начале 1840-х гг. с Феклой Степановой, был венчан в церкви. С тех пор Ситников числился принадлежащим к официальному православию¹¹. В течение нескольких лет он находился на службе в винокуренных заводах Бикбардинском и Николаевском Осинского уезда Пермской губернии. По словам второй жены Ситникова, на эту службу он поступил еще до женитьбы¹². По делам он часто отлучался с места жительства. Жена Ситникова на допросе показала, что в 1850 г., заплатив оброк за год вперед, муж скрылся, а через неделю она получила известие от него о том, что его не устраивал заработок на заводах и он уехал искать другую работу, а ей велел вернуться на Юговской завод¹³. Главный начальник заводов Уральского хребта подтвердил, что 27 марта 1850 г. Ситников получил от конторы трехмесячный билет на свободу и, просрочив его, исчез¹⁴.

Более четырех лет полиция разыскивала Ситникова. В конце сентября 1854 г. было перехвачено его письмо из Сарапула к жене, в котором он просил выслать денег на имя Т. А. Смагина, поэтому полиция и нагрянула с обыском в дом последнего, где обнаружила А. Ситникова на чердаке в иноческом облачении¹⁵.

На первом допросе Ситников сказал, что в ночь с 29 на 30 сентября приплыл на пароходе из Казани и скрывался у Смагина, которого знал заочно, “по слухам”. После побега с завода он месяц прятался в Тотьменском уезде Вологодской губернии в скиту, находившемся в 14 верстах от Тотьмы,

---

⁹ В каньчки заклочены наименования тех качеств, которыми, по мнению М. Е. Салтыкова, должен был обладать настоящий чиновник, по его терминологии “идеальный”, и которые он, несомненно, культивировал в себе. Об этом см.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. С. 34–69.

¹⁰ Впечатления М. Е. Салтыкова от контактов со старообрядцами во время вятской ссылки нашли отражение в очерках “Старец” и “Матушка Мавра Кузьмовна” из цикла “Губернские очерки”, а также в пьесе “Смерть Пазухина” и рассказе “Тихое пристанище”. Наиболее полно жизненные реалии, с которыми столкнулся Салтыков в ходе следствия, воспроизведены в очерке “Старец”. А. Ситников и м. Тарсила стали прототипами его главных героев.

¹¹ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1154. Л. 13, 13 об.; Д. 1155. Л. 55.

¹² Там же. Д. 1154. Л. 13 об.

¹³ Там же. Л. 14.

¹⁴ Там же. Д. 1155. Л. 55.

¹⁵ Там же. Д. 1154. Л. 1–2.

близ р. Сулони. Возглавлял скит инок Агафон, который умер в январе 1853 г., благословив вместо себя старца Авраамия. По словам Ситникова, кроме Авраама там скрывалось еще пять человек. Сам Ситников был пострижен в иноки Агафоном 29 мая 1852 г. под именем Анатолия.

В мае 1854 г. он отправился в Москву на Рогожское кладбище, где прожил около полутора месяцев, затем в июле побывал в Туле у старообрядческого священника Матвея, после чего снова вернулся в Москву, откуда подался на Нижегородскую ярмарку, потом в Казань и, наконец, в Сарапул¹⁶.

При обыске у Ситникова были обнаружены его письма к крестьянину д. Альянш Осинского уезда Пермской губернии Агафону Павлову, у которого проживал зять Ситникова Ларион Сафронов, и записка Ситникова Смагину.

Из письма видно, что Ситников какое-то время жил в с. Ильинском Пермской губернии, где встречался с женою, намеревался съездить в Кунгур. О месте пребывания Ситникова было известно становому приставу Осинского уезда, к стану которого принадлежала д. Альянш, становому писарю и управляющему Юговским заводом¹⁷. За молчание станового писаря было заплачено; вероятно, молчание остальных тоже было не безвозмездным.

В записке к Смагину Ситников просил у него денег и кон.

На основании этих писем Ситников был повторно допрошен. На этом допросе он изменил свои показания о местонахождении скита, в котором был пострижен, заявив, что скит находится в Чердынском уезде Пермской губернии на границе с Усть-Сысольским уездом Вологодской губернии в трех верстах от д. Верх-Лупь. Скит состоял из двух келий. В одной жил Ситников со старцами Агафоном и Авраамом, уроженцами Порубовской волости Глазовского уезда Вятской губернии, а во второй еще три старца, которых он не знал, но слышал, что они тоже из Порубовской волости. Примерно в 1853 г. недалеко от этих келий, по другую сторону р. Лупь, возник женский скит, устроенный солдатской дочерью Натальей, в иночестве Тарсильюй. По сведениям Ситникова, она проживала по билету, выданному ей Пермским губернским правлением. При Тарсилье находилось еще четыре женщины. Ситников рассказал, что Тарсила выкрала забранного в рекруты сына крестьянина пермяка д. Лупь Ивана Мизева, которого поселила при себе.

В пяти верстах от д. Лупь проживал еще один выходец из Порубовской волости Мокей Дементьев с женой, сестрой и матерью. Ситников заявил, что близость лиц женского пола, производящая соблазн, заставила его уехать из скита и пуститься в странствие¹⁸.

¹⁶ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1154. Л. 1-4 об.

¹⁷ Там же. Л. 8-8 об.

¹⁸ Там же. Д. 1155. Л. 4-4 об.

Спустя некоторое время Ситников уточнил свои показания, дав подробное описание пути в скиты, самих келий, “вспомнил” мирские и иноческие имена насельников и даже подробно описал внешний вид каждого¹⁹. По его словам, мужские кельи располагались на восток от д. Верх-Лупья. Старцы поселились там лет 10–12 назад. Келья матушки Тарсилы находилась в четырех верстах от д. Верх-Лупья вниз по течению р. Лупья.

По поводу всех имен, упомянутых во время допросов или обнаруженных в бумагах, были проведены тщательные расследования. За страницами отчетов, докладов, рапортов дела возникает образ следователя, который как нельзя лучше соотносится с лирическим героем очерка М. Е. Салтыкова “Матушка Мавра Кузьмовна”. Вот что этот герой, Н. Щедрин, говорит о себе: “Я следователь благонамеренный и добиваюсь только истины, не имея при этом никаких личных видов, следовательно, я не только имею право, но и обязан изыскивать все средства, чтобы достигнуть этой истины”²⁰. И, явно, описание собственных ощущений накануне дела, ощущений, близких к азарту охотника, вложил М. Е. Салтыков в уста своего героя: “Время, предшествующее началу следствия, самое тягостное для следователя. Если план следствия хорошо составлен, вопросы обдуманы, то нетерпение следователя растет, можно сказать, с каждой минутой. Все мыслящие силы его до такой степени поглощены предметом следствия, что самая малейшая помеха выводит его из себя и заставляет горячиться и делать тысячу промахов в то самое время, когда нужнее хладнокровие и расчет”²¹.

Раскручивать дело советник Вятского губернского правления М. Е. Салтыков начал с Сарапула²², и прежде всего с Т. А. Смагина – как следует из материалов следствия, далеко не рядового в сарапульских краях старообрядца.

Сарапульский мещанин Тимофей Андреевич Смагин занимался торговлей мясом и хлебом, его капитал достигал 1500 рублей. Однако к 1854 г. он почти прекратил собственную торговлю, подрадившись выполнять некоторые поручения пермского купца Любимова по закупке хлеба и конопли²³.

В ходе обыска в доме Смагина были обнаружены книги, лестовки, рясы, камилавки, схимнические одежды, две престольные пелены, два баула ладана и обширнейшая переписка со старообрядцами Москвы, Петербурга,

¹⁹ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1154. Л. 37 об.–40.

²⁰ Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений. Л., 1933. Т. 2. С. 392.

²¹ Там же. С. 407.

²² И вновь обратимся к творчеству писателя М. Е. Салтыкова. Подробную характеристику Сарапулу и впечатления произведенные на него городом, он отразил в очерке “Матушка Мавра Кузьмовна” (Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 387) и в повести “Тихое пристанище” (Там же. Л., 1935. Т. 4. С. 298–300). В “Тихом пристанище” он пишет: “Истари Срывный сделался, с одной стороны, становищем всевозможных раскольнических толков, с другой – гнездом искусников, промышляющих всякого рода зазорными ремеслами”.

²³ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1155. Л. 31–31 об.

Киева, Чернобыля, Тулы, Поволжья, Кавказа, Болгарии, Турции. Смагин на допросе показал, что книги принадлежат ему, а остальные вещи – его умершей жене Евпраксии, которая лет 10 назад была пострижена в инокини в Москве под именем Варсанофии и с тех пор до конца своих дней ходила по разным скитам, лишь изредка навещаясь домой. Все письма получены от людей якобы Смагину неизвестных, которым по рекомендации жены он посылал милостыню²⁴. Т. Смагин, как и А. Ситников, был арестован.

В поле зрения следствия оказались также представители самой известной старообрядческой фамилии Сарапула – Иван Дементьевич, Михаил Иванович, Александр Гаврилович, Пелагея Алексеевна и Иван Иванович Колчины²⁵.

Во время обыска у отца и сына Ивана и Михаила Колчиных, принадлежавших к купеческому сословию, хозяев дома не оказалось. Как выяснилось, один был в Петербурге, другой – в Нижнем Новгороде. Дома находился только их зять Евтроп Татаринов. При обыске обнаружили 3 старопечатные книги, 13 рукописных тетрадей, содержащих молитвы, “раскольничьи грамоты”, копию объяснения екатеринбургского старообрядческого общества в главную екатеринбургскую контору 1820 г., две расписки санкт-петербургского почтамта на 5100 рублей на имя Т. Смагина, записка о выкупе крестьян на свободу, письмо М. Колчину от некой матушки Таифы.

В доме вдовы П. А. Колчиной нашли 11 подручников, 3 лестовки, иноческое покрывало, 4 медных образа, кадилницу. В печной трубе обнаружили 7 старопечатных и рукописных книг, и среди них – письмо настоятельницы Комаровского скита (Нижегородская губерния) инокини Александры.

Кроме хозяйки в доме проживали Екатерина Смагина, двоюродная сестра Т. Смагина, и Татьяна Лепихина. В ходе допроса выяснилось, что Е. Смагина – инокиня Евпраксия – была пострижена в одном из иргизских монастырей, затем жила в Комаровском ските, которому покровительствовавал Т. Смагин. После разгона скита в 1849 г. Екатерина поселилась у П. Колчиной.

14-летняя Т. Лепихина, племянница П. Колчиной, находилась у нее в гостях. Допрошенная мать девочки сказала, что они православные, но на исповеди женщина была 4 года назад, а ее дочь никогда не бывала ни на исповеди, ни у причастия. При этом крестятся они двоеперстно, “так завещано им с малолетства”.

Сын П. Колчиной Михаил подтвердил показания допрошенных до него, о себе сообщил, что со своей женой был венчан в Прочнооконской станице

²⁴ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1154. Л. 1 об., 2, 4 об., 6 об.–8.

²⁵ О Колчиных в Сарапуле см. подробнее: *Починская И. В. Епископ Неофит и вятское старообрядчество в 30–40-х гг. XIX в. // Проблемы истории России. Вып. 4 (в печати).*

Войска Донского близ г. Новоозерска священником Тимофеем, который венчал и других жителей Сарапула.

В доме А. Г. Колчина, как и в предыдущих, были найдены предметы культа: лестовки, складни, подручники, книги. В одной из комнат обнаружили киот с образами, вдоль стен – лавки. Назначение этого помещения не вызвало сомнений.

А. Колчин показал, что исповедуется и причащается в Туле, в часовне купца Сушнина, и в Москве на Рогожском кладбище.

Еще один фигурант по делу, И. И. Колчин, сообщил, что последний раз исповедовался в Казани, в часовне на Булаке²⁶.

Кроме Колчиных в Сарапуле к делу были привлечены еще несколько человек, сыгравших важную роль в распространении “австрийского” согласия в период его становления не только в пределах Приуралья, но и всей России. Среди них оказался Иона Васильевич Телицын. Об этом человеке, с его слов на допросе, известно, что около 1780 г. из Сунской волости Нюлинского уезда Вятской губернии “по случаю бедствия” в Глазовский уезд переселился государственный крестьянин Василий Телицын. Вокруг места его поселения выросла деревня, которая по имени основателя стала называться Телицыной. Дом, построенный отцом, в середине XIX в. принадлежал его сыну Ионе. Сам Иона Васильевич в 1839 г. записался в купцы в Казани, в 1842 г. перешел в глазовское купечество, в 1849 г. – вновь в казанское, а в 1851 г. – в сарапульское, “ныне по случаю недозволения старобрядцам записываться в купцы, записался в государственные крестьяне”. В 1853 г. И. Телицын купил дом в Сарапуле. На вопрос следователя, что привело его в Сарапул, И. Телицын ответил, что он занимается торговлей лесом и пиломатериалами, а Сарапульский уезд Вятской губернии и примыкающий к нему Осинский уезд Пермской губернии являются центром этой торговли²⁷.

Во время обыска в сарапульском доме И. Телицына были обнаружены несколько старопечатных книг, счет на покупку книг у вятского мещанина М. Елчугина, комната, оборудованная в виде моленной²⁸.

В ответ на очередной отчет о ходе следствия, посланный в МВД, 24 декабря 1854 г. было получено указание обратить особое внимание на И. Телицына, в лавке которого на Нижегородской ярмарке 1853 г. останавливался

²⁶ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1155. Л. 4 об.–7 об. Булак – район Казани, где располагалась беглопоповская часовня во имя иконы Божьей Матери “Всех скорбящих радость”, известная как коровинская. Часовня была построена во времена Екатерины II, в 1852 г. ее запечатали, а затем разрушили. Об этом см.: Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX века) / Под ред. Ю. И. Смыкова. Казань, 1998. С. 65–66.

²⁷ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1160. Л. 145 об.–146 об.

²⁸ Там же. Д. 1155. Л. 15.

“лжеепископ” Софроний²⁹. Во исполнение этого указа было решено провести обыск в двух других домах И. Телицына – в д. Телицыной и на мельнице в четырех верстах от этой деревни, а также обыскать дома людей, тесно связанных с Телицыным, – его зятя Е. Н. Лысякова, бывшего глазовского купца третьей гильдии, а ныне государственного крестьянина, и крестьянина д. Кулябиной Порезской волости Глазовского уезда А. А. Кулябина³⁰.

В доме в д. Телицыной у Ионы Васильевича обнаружили 9 лестоков, 2 пелены, несколько старопечатных книг, а также, как и в сарапульском доме, счет за приобретенные книги у М. Елчугина и домашнюю моленную. Хозяин дома сообщил, что моленная была устроена его отцом еще в 1810 г. В 1835–1836 гг. она была запечатана глазовским земским исправником, “но впоследствии разрешена кем-то”. По поводу Телицына был сделан запрос в архив Вятской губернской канцелярии, из которой пришла справка с сообщением о том, что данных о моленной при доме Телицына не найдено, но есть информация о часовне в д. Наймушиной Глазовского уезда, “слывущей под названием Телицынской по тому влиянию, какое имеет на нее купец Иона Телицын”³¹.

Моленную же, расположенную в доме Телицына, по результатам розыска М. Е. Салтыкова Вятская уголовная палата приняла решение сломать, а все находящиеся в ней предметы культа продать в пользу приказа общественного призрения. Однако глазовским земским исправником была предоставлена информация о том, что моленная устроена до 1826 г., в связи с чем по распоряжению МВД, в соответствии с государевым указом от 5 мая 1839 г., было велено решать вопрос не судебным, а административным порядком. Таким образом, моленная была запечатана. В августе 1855 г. И. В. Телицын умер. В дальнейшем в течение многих лет за открытие моленной и возвращение конфискованных вещей боролся его сын Агафонник³².

Любопытной оказалась фигура М. Елчугина, у которого И. Телицын покупал книги. Он был единственным старообрядцем-беспоповцем, причастным к розыску, проводившемуся под руководством М. Е. Салтыкова. Михаил Антонович Елчугин принадлежал к поморскому согласию. В ходе следствия было установлено, что он выбирался мещанским старостой в Вятке, занимался торговлей деревянной посудой, рыбными снастями и другой мелочью, а также старинными книгами и иконами, которые скупал на Нижегородской ярмарке. Разрешения на книжную торговлю он не имел, но тем не

²⁹ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1160. Л. 60. О епископе Софронии (Степане Трофимовиче Жирове) подробнее см.: *Белобородов С. А. “Австрийцы” на Урале и в Западной Сибири* (Из истории Русской старообрядческой Церкви – белокриницкого согласия) // *Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий*. Екатеринбург, 2000. С. 136–138, 140, 141.

³⁰ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1160. Л. 142–142 об.

³¹ Подробнее о наймушинской моленной см.: *Починская И. В. Епископ Неофит...*

³² ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 23.

менее ярмарочный комитет выдавал ему билет на это³³. В материалах другого дела, которое велось в начале 1851 г. по донесению священника Кирилла Спасского епископу Вятскому и Слободскому Неофиту, имеются более подробные сведения о Елчугине.

Во время обыска в ходе того следствия в его доме обнаружили 41 икону, 1 деревянный крест, 2 медных складня, 15 книг, инструменты для переплета книг, свинцовые литеры гражданской печати (4,5 фунта) и литые наборные украшения, 18 нательных крестов, формы для литья крестов. На допросе было установлено, что Елчугин занимался переплетом книг, а его 18-летний сын Галактион в течение трех лет писал иконы. За это время он написал на продажу 20 образов. Судя по тому, что во время обыска было обнаружено много старых, слепых иконных досок, юноша писал на них.

По решению Вятской духовной консистории совсем ветхие и непригодные к употреблению иконы были уничтожены, остальные переданы в кафедральную ризницу. Из книг конфискован только один цветник, все остальные возвращены хозяину³⁴.

Вновь обращаясь к сарапульскому розыску М. Е. Салтыкова, замечу, что во время обыска в доме Е. Н. Лысякова, зятя И. Телицына, ничего, кроме нескольких старопечатных книг и лестовок, найдено не было, да и сама persona хозяина особого интереса не вызвала, а вот Аксен Абрамович Кулябин, напротив, очень заинтересовал следствие. Точнее, не столько он сам, сколько его брат Абрам, который, как выяснилось, являлся “лжеепископом” Афанасием³⁵. Аксен о брате сообщил, что тот покинул родительский дом 30 лет назад в возрасте 16 лет. Жил в одном из иргизских монастырей, затем записался в мещане Хвалынска. С момента ухода дома появился только один раз, в 1851 г., для получения своей доли наследства.

Е. Лысяков об Абраме Кулябине добавил, что тот живет в Хвалынске с мещанкой Анной Федоровой в ее доме и “едва ли не ведет общую торговлю”. Лысяков имел с ними деловые контакты и накануне отправил к ним крестьянина Уржумского уезда А. И. Бушкова за долгами. Самого Абрама Кулябина он видел в 1853 и 1854 гг., о его иноческом сане не знает, “ходит он в обыкновенной одежде и волосы стрижет”³⁶.

³³ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1155. Л. 18–18 об.

³⁴ Там же. Ф. 237. Оп. 12. Д. 120. Л. 8–21.

³⁵ Подробнее об Афанасии, еп. Саратовском, см.: *Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 39–40. Данные рассматриваемых материалов следствия позволяют уточнить имеющуюся информацию о еп. Афанасии: его фамилия не Кулибин, а Кулябин; родился он не в 1803 г., а позднее, вероятно, около 1808 г.; датой его рукоположения во епископа считается 1855 г., однако в материалах следствия в конце 1854 г. Абрам Кулябин уже назван “лжеепископом Афанасием”.

³⁶ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1155. Л. 16–17 об.; Д. 1160. Л. 152–152 об.

По результатам допросов, проведенных в Сарапуле, М. Е. Салтыков в рапорте вятскому губернатору писал о необходимости проведения следствия не только в Сарапуле, но и за его пределами, по поводу всех лиц, имена которых прозвучали в показаниях или найдены в бумагах подследственных. Он просил разрешения списаться с властями мест их проживания³⁷. На основании этих писем начались следствия в других губерниях.

Сам же М. Е. Салтыков 7 декабря 1854 г. рапортовал губернатору, что “он в Сарапуле все следственные действия произвел и теперь может работать в других местах”³⁸. Спустя 10 дней он уже докладывал из Глазовского уезда о первых результатах поисков указанных А. Ситниковым скитов. Там он нашел три деревни с названием Верх-Лыпь и две – Верх-Лыпя, но ни одна из них не соответствовала разыскиваемому селению. Кроме того, в Глазове М. Е. Салтыков проверил по материалам 9-й переписи лиц, названных Ситниковым в качестве насельников скита, и действительно нашел их среди жителей Порубовской волости³⁹.

Почти одновременно со следствием М. Е. Салтыкова (с июля по декабрь 1854 г.) секретным сбором информации о вятском старообрядчестве занимался упоминавшийся выше старший помощник правителя губернской канцелярии титулярный советник В. Минх. В записке, приложенной к его рапорту о проделанной работе от 31 декабря 1854 г., он дал подробную характеристику старообрядчеству Глазовского уезда, в том числе Порубовской волости. Эта записка В. Минха во многом объясняет наличие скита порубовских выходцев в Пермской губернии. Некоторые его данные и выводы об особенностях жизни старообрядцев северо-востока Глазовского уезда хотелось бы воспроизвести.

Старообрядцы, по данным В. Минха, населяют преимущественно деревни Воскресенского и Афанасьевского приходов. “Все эти селения между собою смежны и составляют как бы одно гнездо, к северу они граничат с ненаселенными и неизмеримыми лесами Вологодской губернии прежде бывшего г. Кая Вятской губернии, а к востоку с Оханским и Чердынским уездами Пермской губернии”. В. Минх указывал на то, что из-за непригодности большинства земель к возделыванию крестьянам разрешалось в поисках более удобных участков выезжать из своих селений и строить дома на выбранных ими землях. Разбросанность и удаленность этих дворов от властей ослабляли контроль за ними как гражданской администрации, так и официальной церкви.

В. Минх отмечал особую склонность порубовских крестьян “к бродяжничеству”. Причем те, кого помощник правителя губернской канцелярии на-

³⁷ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1155. Л. 45–49.

³⁸ Там же. Л. 51 об.–52.

³⁹ Там же. Л. 55–56.

зывать бродягами, далеко от своих домов не уходили, а жили в скитах, устроенных рядом, не обзаводясь хозяйством. Летом они трудились со своими семьями или нанимались на работу и тем обеспечивали себе пропитание зимой.

В. Минх сообщил также о наличии скитов на прилежащих территориях Вологодской и Пермской губерний, которые, в отличие от вятских, населены семьями, ведущими свои хозяйства. Крестьяне, проживавшие в скитах (по терминологии Минха), расположенных в лесах всех трех губерний, были связаны между собой⁴⁰. Данные розыска М. Е. Салтыкова дополнили сведения Минха: в пограничных с Вяткой пермских и вологодских лесах находились не только “семейные скиты”.

Отработав в Глазовском уезде, М. Е. Салтыков отправился в Пермь, а к концу декабря 1854 г. он прибыл к установленному пермской полицией местонахождению скитов, указанных А. Ситниковым, близ д. Верх-Лупья Чердынского уезда. К этому времени следствие в Пермской губернии шло полным ходом. Оно было развернуто на основании писем из Вятки.

Для разбирательств на месте еще до прибытия М. Е. Салтыкова пермский губернатор откомандировал пристава 2-го стана Соликамского уезда Пейкура, который 23 декабря 1854 г. вышел на скит Тарсилы⁴¹. Скит представлял собой новый деревянный дом (11х7 м), выстроенный из пихтового и елового леса. Внутри дома двое сеней, две избы с русскими печами, моленая и чулан. Во дворе – корова, 5,5 саж. дров, воз соломы. Самой настоятельницы на месте не оказалось, но там обнаружили четырех женщин, которых увезли в чердынскую тюрьму. Сам же Пейкур, собрав группу лыжников из помещичьих крестьян отдаленных населенных пунктов отправился на поиски мужского скита. Вскоре они вышли на дом Мокея Дементьева, но хозяина не было дома. После долгого блуждания по окрестностям поисковый отряд обнаружил мельницу на р. Ворчилке, а рядом – обугленные остовы изб, которые сочли за сгоревший мужской скит⁴².

При допросе арестованных женщин выяснили их личности.

Настасья Ефремова Черемных, 64 лет, пострижена Тарсилой под именем Сиксофы, родом из Ножовского завода Всеволожского (Оханский уезд Пермской губернии), в скиту с 1852 г.

Февронья Иванова Хлобыстова, 60 лет, не пострижена, но имя сменила на Феврусу, прибыла из починка Короваевского Верхосвятской волости Глазовского уезда, имела при себе паспорт, выданный в 1842 г. на один год.

Афимья Еремеева Исаева, возраст примерно 70–80 лет, крестьянка д. Васькиной Чердынского уезда Пермской губернии.

---

⁴⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 56. Л. 20–34.

⁴¹ Там же. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1155. Л. 57–58 об.

⁴² Там же. Л. 60 об.–61.

Пелагея Андреевна Исупова, 24 лет, крестьянка д. Силиной Соликамского уезда Пермской губернии.

Эти женщины на допросе сказали, что Тарсилу не знают. Однако в ходе допроса 16 крестьян д. Верх-Лупьи следствие установило, что Тарсила приехала в деревню в Великий пост 1852 г. и остановилась в доме крестьянина Игната Мизева, привез ее крестьянин д. Даниловой Филипп Дегтянников, с нею были еще две женщины – Василиса и Домна⁴³. Дегтянников нашел место для постройки скита и работников на его строительство⁴⁴.

Обыск в доме Ф. Дегтянникова обнаружил старопечатные и рукописные книги, предметы культа. Хозяина дома не было: как выяснилось, он находился в чердынской тюрьме. Посажен был туда Дегтянников за распространение “раскола” среди православных, сбор подаяния для скрывающихся старообрядцев, а также за то, что обругал православного миссионера слугой антихриста и поносил православную церковь.

По ходу следствия было установлено, что с делом, ведущимся М. Е. Салтыковым, пересекалось другое, находившееся в пермской городской полиции. Оно касалось деятельности м. Тарсилы, которая помогала бежать рекрутам и переправляла их в скиты на Лупью, где, по показаниям подследственных, проживало до 50 человек. Это им было известно со слов м. Тарсилы.

Следствию удалось выйти на помощников Тарсилы, пермских мещан С. Мальгина и И. Трапезникова. Во время обыска в доме Мальгина полиция обнаружила Тарсилу и крестьянку Осинского уезда Вассу Панкратовну Батуеву. При них было более 200 рублей, письма, поминальники.

Выяснилось, что м. Тарсила, в миру унтер-офицерская вдова Наталья Леониловна Матвеева, была пострижена на Иргизе. От всех предъявленных обвинений она отказалась. Полиция ничего доказать не смогла, поэтому вынуждена была выпустить Матвееву на поруки пермского крестьянина Аггея Шалаевского, и она бежала. Привлеченный к ответственности Шалаевский сказал, что м. Тарсила на самом деле жила не у него, а у своих родственников Красновых, которые числились единоверцами, но на исповедь не ходили. Были установлены еще одни пермские родственники Тарсилы, Уткины, которые принадлежали к беглопоповскому согласию. Ни в одном из домов родственников следов беглянки не нашли⁴⁵. Только в апреле 1855 г., уже в результате розыска, инициированного М. Е. Салтыковым, м. Тарсила была поймана и посажена в пермский тюремный замок⁴⁶.

В бумагах А. Ситникова, Н. Матвеевой, в речах многих допрашиваемых неоднократно упоминалось с. Ильинское, находившееся в соликамской

⁴³ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1155. Л. 7–9.

⁴⁴ Там же. Д. 1160. Л. 30 об.

⁴⁵ Там же. Д. 1155. Л. 9–13 об.

⁴⁶ Там же. Л. 148.

вотчине гр. Строгановой, как важный центр старообрядчества, перевалочная база для многих беглых. Естественно, такой принципиальный следователь, каким оказался М. Е. Салтыков, не мог не посетить его, чтобы разобраться на месте. Его замечания об этом селе и размышления о делах подобных тому, что он вел, нашли отражение в рапорте вятскому губернатору от 12 января 1855 г. Этот рапорт однозначно выражает отношение М. Е. Салтыкова к старообрядчеству, поэтому приведу его практически полностью.

“С. Ильинское Пермской губернии с принадлежащими к нему деревнями составляет такой вертеп, где пристанодержательство принято не только как обыкновенное, но считается как бы особенною добродетелью. Из следствия, произведенного о скитнице (Тарсиле. – *И. П.*), видно, что она постоянно занималась подготовкой к побегу в скиты, как рекрутов, так и других всех сословий лиц. Первыми участниками и помощниками всегда являлись ильинцы, которые уводят в скиты и скрывают у себя всякого рода бродяг. К ильинцам же обращаются и выходцы из скитов для собирания подаяния и для продажи рукописных книг и прочего, они же служат передатчиками всех вестей и слухов о предпринимаемых правительством мерах к искоренению раскола.

Как бы ни были велики усилия отдельного лица к обнаружению этого зла, они никогда не могут увенчаться полным успехом, во-первых потому, что за действиями его следят тысячи глаз, а во-вторых, потому что лицо это не обладает материальными средствами для создания агентов, совершенно в сем деле необходимых, поставлено совершенно в беспомощное состояние, тем более, что лица, на прямой обязанности которых содействие видам правительства, в таком деле оказывают слишком мало раядения, что, Ваше Превосходительство, изволите усмотреть и из того, что скитница Тарсила, будучи пойманною, выпущена собственно по нерадению, не хочу сказать более, пристава 1 части г. Перми, который... должен был не отдавать ее на поруки, а заключить в тюрьму...”⁴⁷.

Из Пермской губернии М. Е. Салтыков отправился в Казань. Уже 28 января 1855 г. из особой канцелярии МВД вятскому губернатору пришло распоряжение за подписью Д. Г. Бибикова, предписывающее “...находящемуся в Казани Салтыкову связаться с коллежским советником Мельниковым и следовать его указаниям”⁴⁸. В Казань М. Е. Салтыкова привела всплывшая в ходе следствия информация о поездке туда сарапульских старообрядцев на исповедь к бывшему купцу 3-й гильдии, священнику, рукоположенному “лже-епископом”, Трофиму Миронову Щедрину⁴⁹.

⁴⁷ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1155. Л. 81 об.-82 об.

⁴⁸ Там же. Л. 105 об.-106.

⁴⁹ Там же. Л. 18 об.-19 об.

В начале марта 1855 г. М. Е. Салтыков ненадолго вернулся в Вятку. 4 марта руководство губернии получило известие о смерти Николая I⁵⁰. Эта новость, несомненно, увеличила надежды М. Е. Салтыкова на помилование. Чуть позже в очередном письме брату Дмитрию он писал: "...теперь время, быть может, самое благоприятное для испрошения мне монаршей милости"⁵¹. Но пока М. Е. Салтыков оставался советником Вятского губернского правления и вынужден был продолжать порученное ему следствие, которое, несомненно, тяготило его. Однако стремление к освобождению заставляло работать с прежним усердием и радоваться похвалам начальства. 13 марта он снова прибыл в Казань, откуда сообщал своему постоянному адресату периода вятской ссылки Д. Е. Салтыкову: "О себе скажу, что я здоров и дела мои идут довольно успешно. Здесь, по подобному же делу, живет министерский чиновник (П. И. Мельников. – *И. П.*), с которым мне предписано войти в сношения и который сказал мне, что наш министр совершенно доволен моими действиями, что меня крайне обрадовало"⁵².

Из Казани нити следствия привели М. Е. Салтыкова в Нижегородскую губернию, в г. Семенов, где обосновалось много бывших насельниц знаменитых скитов, располагавшихся рядом (Комаровский, Оленевский, Шароганский), которые были разогнаны в 1853 г.⁵³

На этом фактически следственные действия М. Е. Салтыкова завершились. Из Нижнего Новгорода он съездил еще во Владимир (эта поездка не носила служебного характера) и к началу мая вернулся в Вятку⁵⁴.

Однако не во все города и села, жители которых в той или иной степени оказались связанными с основными фигурантами по делу, смог попасть М. Е. Салтыков. В дела территории Войска Донского ему велено было не вмешиваться, следователю пришлось довольствоваться только письменными ответами из Тулы и Шуи. Причина этого, вероятно, и в поднадзорном положении самого следователя, и в том, что к концу весны 1855 г. М. Е. Салтыков был полностью поглощен заботами о своем освобождении и устройством личной жизни, а потому пытался свернуть свои служебные разъезды. Однако только к концу ноября он получил указ о помиловании, а в 20-х числах декабря покинул ненавистную Вятку⁵⁵.

Итогом же следствия по делу беглого мастерового-старообрядца А. Ситникова, проводившегося советником Вятского губернского правления М. Е. Салтыковым, стало привлечение к делу около сотни человек с

⁵⁰ Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений. Т. 18, кн. 1. С. 113.

⁵¹ Там же. С. 115.

⁵² Там же. С. 114.

⁵³ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1155. Л. 19 об.–21 об.; Д. 1158. Л. 121–121 об.

⁵⁴ Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений. Т. 18, кн. 1. С. 114–115.

⁵⁵ Там же. С. 124.

конфискацией у них предметов культа, арест нескольких десятков человек и, наконец, смерть главного подследственного А. Ситникова⁵⁶. Эти печальные факты заставляют не согласиться с выводами исследователя творчества М. Е. Салтыкова С. А. Макашина, писавшего о розыске по делам старообрядцев следующее: “Салтыков провел всего лишь одно порученное ему следственное дело по расколу. За пределы следствия ни его действия, ни полномочия не выходили. Результаты последнего, как говорилось, были таковы, что сами власти не смогли ими воспользоваться для каких-либо репрессивных мероприятий. Карательно-полицейских функций Салтыков не выполнял, да они и не поручались ему”⁵⁷.

---

⁵⁶ ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 1158. Л. 168.

⁵⁷ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография I. С. 363.